

**ЮЗ
АЛЕШКОВСКИЙ**

**«ТОВАРИЩ СТАЛИН,
ВЫ БОЛЬШОЙ УЧЕНый...»**

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
А 49

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

В оформлении обложки использована фотография автора
работы Алексея Балакина

ISBN 978-5-389-22697-5

© Юз Алешковский (наследники), 2023
© Алексей Балакин, фото, 2023
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

И с отвращением читая жизнь мою,
я трепещу и проклинаяю,
и горько жалеюсь, и горько слезы лью,
но строк печальных не смываю.

Если бы величайший из Учителей, Александр Сергеевич Пушкин, не научил меня эдак вот мужествовать при взгляде на жизнь прошедшую, то я ни в коем случае не отважился бы самолично знакомить Читателя с небюрократизированным вариантом своей автобиографии.

Откровенно говоря, жизнь свою я считаю, в общем-то, успешной. Но для начала вспомним, что успех — от глагола «успеть».

Начнем с того, что успех сопутствовал мне буквально с момента зачатия родителями именно меня, а не другой какой-нибудь личности в Москве суровой зимой 1929 года. Слава Богу, что я успел родиться в Сибири в сентябре того же года, потому что это был год ужасного, уродливого Перелома и мало ли что тогда могло произойти.

Затем я успел возвратиться в Москву и познакомиться с уличным матом гораздо раньше, к сожалению, чем со сказками братьев Grimm. Потом я оказался в больнице с башкой, пробитой здоровенным куском асфальта, что навсегда нарушило в ней способность мыслить формально-логически и убило дар своевременного почитания здравого смысла.

Потом я пошел в детсад, но исключен был из него вместе с одной девочкой за совершенно невинное и естественное изучение анатомии наших маленьких тел. Так что в школу я попал человеком слегка травмированным варварски бездушной моралью тоталитарного общества.

Прогуливая однажды, я свалился в глубокий подвал, повредил позвоночник, но выжил. Врачи и родители опасались, что я останусь лилипутом на всю жизнь, хотя сам я уже начал готовиться к карьере малюсенького циркового клоуна.

К большому моему разочарованию, я не только продолжал расти, но превратился в оккупанта Латвии вместе с войсковой частью отца; успешно тонул в зимних водах Западной Двины; потом успел свалить обратно в Москву и летом сорок первого снова махнуть в Сибирь, в эвакуацию.

Вообще, многие наиважнейшие события моей жизни произошли за Уральским хребтом. Так что я имею больше конкретных прав называться евразийцем, чем некоторые нынешние российские политики, стоящие одной ногой в Госдуме, другой в Индийском океане.

Во время войны, в Омске, я успел влюбиться в одноклассницу буквально за месяц до зверского указа Сталина о раздельном обучении двух полов. По другим предметам я в школе драматически не успевал. Это не помешало мне успеть не только схватить от любви и коварства, от курения самосада и голодухи чахотку, не только выздороветь, но и возвратиться в Москву здоровенным верзилой — победителем палочек Коха, умеющим стряпать супы, колоть дрова,

растить картошку, а также тайно ненавидеть вождя, с такой непонятной жестокостью прервавшего романтические общения мальчиков с девочками в советской школе.

Я был весельчаком, бездельником, лентяем, картежником, жуликом, хулиганом, негодяем, курильщиком, беспризорником, велосипедистом, футболистом, чревоугодником, хотя всегда помогал матери по дому, восторженно интересовался тайной деторождения и отношения полов, устройством Вселенной, происхождением видов растений и животных и природой социальных несправедливостей, а также успевал читать великие сочинения Пушкина, Дюма, Жюль Верна и Майн Рида. Может быть, именно поэтому я ни разу в жизни своей никого не продал и не предал. Хотя энное количество разных мелких пакостей и грешков успел, конечно, совершить.

Я проработал с полгода на заводе, но школу кончить и вуз так и не успел, о чем несколько не печалюсь. Вскоре произошло событие не менее, может быть, важное, чем победа именно моего живчика в зимнем марафоне 1929 года, года великого и страшного Перелома. Я без ума втрескался в соседку по парте в школе рабочей молодежи. Любовь эта напоминала каждую мою контрольную по химии: она была совершенно безответна. Дело не в этом.

К счастью, общая химия Бытия такова, что я с тоски и горя начал тискать стишки, то есть я изменил соседке по парте, Ниночке, и воспылил страстной любовью к Музе, которая впоследствии не раз отвечала мне взаимностью. Вообще, это было счастьем успеть почувствовать, что любовное мое и предан-

ное служение Музе — пожизненно, но что все остальное — карьера, бабки, положение в обществе, благоволение властей и прочие дела такого рода — зола.

Потом меня призвали служить на флот. Переехав очередной раз Уральский хребет, я совершил ничтожное, поверьте, уголовное преступление и успел попасть в лагеря до начала корейской войны. Слава Богу, я успел дожить до дня, когда Сталин врезал дуба, а то я обогнал бы его с нажитой в неволе язвой желудка.

Вскоре маршал Ворошилов, испугавшись народного гнева, объявил амнистию. Чего я только не успел сделать после освобождения! Исполнилась мечта всей моей жизни: я стал шофером аварийки в тресте «Мосводопровод» и навечно залечил язву «Московской особой».

Начал печатать сначала отвратительные стишки, потом сносные рассказы для детей. Сочинял песенки, не ведая, что пара из них будет распеваться людьми с очистительным смехом и грустью сердечной.

Вовремя успел понять, что главное — быть писателем свободным, а не печатаемым, и поэтому счастлив был пополнять ящик сочинениями, теперь вот, слава Богу и издателям, предлагаемыми вниманию Читателя.

Ну, какие еще успехи подстерегали меня на жизненном пути? В соавторстве с первой женой я произвел на свет сына Алексея, безрассудно унаследовавшего скромную часть не самых скверных моих пороков, но имеющего ряд таких достоинств, которых мне уже не занять.

Я уж полагал, что никогда на мой закат печальный не блеснет любовь улыбкою прощальной, как вдруг, двадцать лет назад, на Небесах заключен был мой счастливый, любовный брак с прекраснейшей, как мне кажется, из женщин, с Ирой.

Крепко держась друг за друга, мы успели выбраться из болотного застоя на берега Свободы, не то меня наверняка захомутали бы за сочинение антисоветских произведений. Мы свалили, не то я не пережил бы разлуки с Ирой, с Музой, с милой волей или просто спился бы в сардельку, заключенную в пластиковую оболочку.

В Америке я успел написать восемь книг за шестнадцать лет. Тогда как за первые тридцать три года жизни сочинил всего-навсего одну тоненькую книжку для детей. Чем не успех?

Разумеется, я считаю личным своим невероятным успехом то, что сообща со всем миром дождались мы все-таки часа польхания гнусной Системы, ухитрившейся, к несчастью, оставить российскому обществу такое гнилостное наследство и такое количество своих тухлых генов, что она долго еще будет казаться людям, лишенным инстинктов свободы и достойной жизнедеятельности, образцом социального счастья да мерою благодравия.

Так что же еще? В Америке, во Флориде, я успел, не без помощи Иры и личного моего ангела-хранителя, спасти собственную жизнь. Для этого мне нужно было сначала схватить вдруг инфаркт, потом сесть за руль, добросить себя до госпиталя и успеть сказать хирургам, что я согласен рискнуть на стопроцентную успешную операцию на открытом сердце.

Всего-то делов, но я действительно успел в тот раз вытащить обе ноги с Того Света, что, ей-богу, было еще удивительней, чем миг моего зачатия, поскольку...

Честно говоря, если бы я имел в 1929-м какую-нибудь информацию об условиях жизни на Земле и если бы от меня лично зависело, быть или не быть, то... не знаю, какое принял бы я решение. Впрочем, несмотря на справки об ужасах земного существования, о войнах, геноцидах, мерзостях Сталина и Гитлера, диком бреде советской утопии, террариумах коммуналок и т. д. и т. п., все равно я успел бы завопить: БЫ-Ы-Ы-ЫТЬ! — чтобы меня не обогнала какая-нибудь более жизнелюбивая личность. Возможно, это была бы спокойная, умная, дисциплинированная, прилежная, талантливая, честнейшая девочка, меццо-сопрано или арфистка, о которой мечтали бедные мои родители.

Одним словом, сегодня, как всегда, сердечно славословя Бога и Случай за едва ли повторимое счастье существования, я горько жалуюсь и горько слезы лью, но, как бы то ни было, строк печальных не смываю; жену, детей, друзей и Пушкина люблю, а перед Свободой благоговею.

Понимаю, что многого не успел совершить, в том числе и помереть. Не знаю, как насчет остального, например хорошей натаски в латыни, греческом и английском, а врезать в свой час дуба я всегда успею.

Поверь, Читатель, в чем в чем, а в таком неизбежном деле ни у кого из нас не должно быть непристойной и истерической спешки.

Юз Алешковский

СОБАЧЬИ СТИХИ

*Незабываемому другу
Герману Плисецкому*

Так получилось: далеко от Москвы
не было долго жратвы у братвы.
Хлеб разрезали шпагатом, как мыло:
птюха на сутки, и — никаких.
Братва похудела и походила
скорей на покойников, чем на живых.
Я сладко держал за щекою мякину
после строгого дележа.
Мне мерещились синие автомашины,
в которых буханки ржаного лежат.
Впрочем, у всех застывало в глазах
изумленное выражение —
это больно зрачки раздирало в глазах
голодное воображение.
Хлеб был таким же, как зимнее солнце.
Но зимнее солнце светило, однако...
Однажды вольняшки за восемь червонцев
нам боданули в карьере собаку.
Дворняга служила за просто так,
смотрела в глаза спокойно и мудро

и, все понимая, под острый тесак
подставила голову январским утром.
Мы жрали, глаза друг от друга пряча,
«радость собачью» — похлебку собачью.
Лишь доходяга-интеллигент,
как резавший в прошлом собак физиолог,
поглядывал молча на «эксперимент»
и продолжал исповедовать голод.
Разжарившись в тропике знойном барака,
на нарах, руками коленки обвив,
братва вспоминала о милых собаках
поэмы, исполненные любви.
Осень, охота... с лоснящейся шкурой,
нос по ветру, в хлябь приозерную врос
в гипнотической стойке
поднебесной скульптурой
великолепный охотничий пес...
А вот молчаливый артельщик Пикейкин
(был упакован покруче, чем Крез)
с уваженьем унылым припомнил ищейку,
самую умную в обэхаэс...
В канаве, в дымину, бугор наш Дремлюга,
с ним рядом — смешная и жалкая Жучка:
лизет хлебало запойного друга,
всю ночь охраняет остаток получки...
Вот Ловчев пришел из конторы усталый.
«Только успел ступить на крыльцо —
Альма, понимаете, зацеловала,
собственно говоря, все лицо...»
Он был, разговор полуночный, наукой
верности, честности и простоты.

Лишь грязная личность, по прозвищу Сука,
нам затыкала рты.

Но мы еще долго болтали в бараке
и губы одной самокруткой жгли,
а за оградой выли собаки —
собаки, которые нас стерегли.

Бультерьеры, болонки, упряжки Клондайка...

Мы жрали собак и жирком обросли.

Собратья известной космической Лайки

в ту зиму дистрофиков многих спасли.

И может быть, душ наших переселенье

не метемпсихоза мистический бред —

хочу испытать я второе рождение,

да-да, через тридцать, не более, лет.

Тогда я испробую жизни собачьей,

и взвою вздохнуть на луну от тоски,

и тихо, по-человечьи заплачу

от нечаянной ласки хозяйской руки.

Я женщину, вылившую помой,

буду боготворить, любя,

и взгляда загадочной чистотой,

человек, я смущу тебя.

Всегда буду ласков за просто так,

взгляну в глаза спокойно и мудро

и, все понимая, под острый тесак

подставлю голову однажды утром...

.....

И вот тебе раз — случай выкинул номер:

я жил себе жил, неожиданно помер,

присобачили душу...

...Был слеп, жрать хотелось 15

и не расхотелось уже никогда.
Помню щенячью свою оголтелость,
ну а потом приключилась беда:
нас всех оторвали от мамкиных сисек,
саму замочили, чтоб выть не могла,
меня завернули в листы «Независьки»...
Проклятая нелюдь!.. Удушлива мгла...
Оклемался в помойке, объедков нажрался,
поскуливал, вылез, в коллекторе дрых...
Поздней живодеру в удавку попался,
а он мне под дых, пропадлина, под дых!
Но я ему в яйца вцепился — был шустрым,
на случаях легко завоевывал сук...
Держал шесть кафе,
в брюхе было не пусто...
Пинали, вязали,
умел вырываться из рук.
Инспектор-хапуга
прикрыл эти наши столовки,
бывало, дня по три ни крошки не жрал.
И выжил: использовал волчьи уловки...
Жизнь эту собачью в гробу я видал...
Ну что ж, венценосцы Творенья,
гоните бездомных, шмаляйте!
Бомжам перепульте
печень, сердце, кишки,
мастырьте ушанки,
из шерсти пимов наваяйте,
пеките из «лучших друзей» пирожки...
А после вгрызайтесь друг другу в глотку,
чем брезгуют волки, орлы и слоны.

От брюха хлещите сивушную водку —
забудете жалость и чувство вины...
Я больше не взвою, не гавкну, не рыкну,
клыков не оскалю и не поскулю,
а если рожусь человеком — привыкну:
я все-таки жизнь
и нормальных двуногих
люблю.

1958–2010

СЕНТЯБРЬ

*Моему чудо-свату
О. Чухонцеву*

Флора доцвела — не налюбуйешься,
в сентябре волшебен листопад.
Поутрянке поплотней обуешься
и шагаешь в лес, как на парад.

Там тебе опять присягают,
в небе — эскадрильи журавлей,
об отлете трубно извещают
всяких местных уток и гусей,

а всегда зимующие птицы
об отчизне леса говорят;
спят, священнодействуя, грибницы
белых подосиновых маслят.

Нет в лесу трибун и мавзолеев,
пехотинцев, танков и ракет;
я о том нисколько не жалею,
что в лесу гражданских шествий нет.

Сохлый кедр, похожий на зенитку,
взял на мушку первую звезду;
ливень — чтобы вымочить до нитки —
льет из туч, когда домой бреду.

Я тут глух и нем и беззащитен,
равенством со всем зверьем пронзен,
ангелам — до бездн душевных виден,
просветом вдали вознагражден.

Запахавшись, пью из свежей лужи
теплое парное молоко.
Кажется, что нет меня снаружи,
и душе от этого легко.

2014

ОСЕННИЕ СТАНСЫ

Ире

Я помню чудное мгновенье...

А. С. Пушкин

...Вселенная и в лужах и в болотцах
заглядывалась на самую себя,
по-моему, выискивая сходство
планетки нашей с капелькой дождя.

Природа дивной жизни круг свершала.
Изящно кружевца латал паук,
над ним пичуга хищно трепетала —
позавтракать стремилось все вокруг.

Пчелы рабочей мед, глазунья солнца,
укропа дух, колбаски кабачков...
Летят с деревьев бесплатные червонцы
в ладони благодарных бедняков.

Те дни осенние спасли меня
от насморочной скукотищи хлада.
Был полон клен октябрьского огня,
а большего тепла душе не надо.

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиографическая справка	5
----------------------------------	---

СТИХИ

Собачьи стихи	13
Сентябрь	18
Осенние стансы	20
Л. Ярмольнику	24
Экспромты	26
Записка Ире — соседке по парте — на уроке старости	29
Пятак бедности моей	30
Сельский почтальон	31

ПОДРАЖАНИЕ ПОЭТАМ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Строки гусяного пера, найденного на чужбине Юз Фу	36
--	----

ПЕСНИ

За дождями дожди	65
Песня свободы	67

Ресторан Жульен	69
Песня про Мао Цзэдуна	72
Песня о Сталине	75
Советская Пасхальная	77
Советская лесбийская	79
Постсоветская гейская	81
Личное свидание	84
Окурочек	87
Китайская колыбельная	90
Кубинская разлука	92
Лондон — милый городок	94
Песня о Никите	96
Медвежье танго	98
Белые чайнички	101
Осенний романс	104
Семеечка	106
Песня слепого	110
Брезентовая палаточка	112
Танго бедной юности моей	114
Сестрица	116
Прощальный романс-танго	118

Алексей Алешковский

БОГ ПРОЯВЛЯЕТСЯ В ДЕТАЛЯХ

Послесловие	120
-------------------	-----

Алешковский Юз

А 49 «Товарищ Сталин, вы большой ученый...» : стихи и песни / Юз Алешковский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 128 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-22697-5

Юз Алешковский (1929–2022) — русский писатель и поэт, автор популярных «лагерных» песен, которые не исполнялись на советской эстраде, тем не менее обрели известность в народе: «За дождями дожди», «Песня о Сталине», «Советская пасхальная», «Окурочек» — их горячо любили и пели, даже не зная имени автора. Однако и сам Алешковский, сочиняя свои «песенки», не мог предположить, что они обретут такую популярность и будут «распеваться» людьми с очистительным смехом и грустью сердечной. Перу Алешковского принадлежат и другие произведения, снискавшие народную любовь («Николай Николаевич», «Кенгуру», «Маскировка» и др.), хотя на родине писателя большая часть из них была издана лишь годы спустя после создания.

В настоящем издании представлено практически полное собрание стихотворных текстов Юза Алешковского, написанных в разные годы жизни, начиная с ранних — ироничных, жалостливых, издательских стишков и песен, в которых нашёл отражение абсурдный мир советской действительности, — и заканчивая стихами, написанными в последние годы жизни и с неожиданной глубиной и силой раскрывающими лирический дар автора.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Литературно-художественное издание

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ
«ТОВАРИЩ СТАЛИН,
ВЫ БОЛЬШОЙ УЧЕНЫЙ...»

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Лариса Ершова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.03.2023. Формат издания 70 × 102^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 5,28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к.25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-PTR-31673-01-R